67. Сказка о Дунькѣ-Даркѣ и Ясномъ Соколѣ.

[Перушко Финиста-ясна сокола].

(Записана ученикомъ старшаго отдѣленія Половодовскаго начальнаго училища, Соликамскаго уѣзда. Доставлена въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности И. Академіи Наукъ въ 1898-мъ году бывшимъ учителемъ того-же училища, псаломщикомъ с. Арійскаго, Красноуфимскаго у., Мих. Ив. Суряковымъ.—Подлинникъ, писанный рукою Сурякова, хранится въ рукописномъ отдѣленіи Библіотеки И. Академіи Наукъ: прогр. № 136).

---

1. Жили были старикъ да старуха. У ихъ было три дочери: двѣ дочери умныя, а третья была Дунька-Дурка. Мать у ихъ (у нихъ) *) умерла. Онѣ стали жить съ отцомъ. Когда отецъ поѣдетъ въ городъ, двѣ умныя дочери заказывали обновы: одна—ленточку, другая—платочекъ, а Дунька-Дурка заказывала купить себѣ Яснова Сокола. Отецъ нашелъ въ городѣ отъ Яснова Сокола перышко и привезъ его Дунькѣ-Даркѣ.

У ихъ (трехъ дочерей) **) было у всѣхъ по избушкѣ. Однажды Дунька-Дурка *вечеровала* въ своей избушкѣ. Къ ей (къ ней) прилетѣлъ Ясной Соколъ и подарилъ ей красивое платье, а самъ улетѣлъ.

2. Однажды былъ празникъ (праздникъ). Двѣ умныя сестры нарядились и пошли къ обѣднѣ. Дунька-Дурка тоже стала проситса (проситься) въ цéркву (церковь). Сестры ей говорятъ: „куда тебя такую черную! Сиди, знай, на печѣ, перегребай сажу!“

Когда сестры ушли къ обѣднѣ, Дунька-Дурка надѣла свое красивое платье, которое подарилъ ей Ясной-Соколъ, и пошла къ обѣднѣ. Всѣ люди въ церкви заглядѣлись на Дуньку-Дурку; сестры тоже смотрѣли на ие (её). Когда отъ обѣдни воротились всѣ, Дунька-Дурка была ужъ дома.

---

*) Поясненія мѣстныхъ словъ (въ круглыхъ скобкахъ) принадлежатъ Сурякову.

**) Въ подлинникѣ: *т*очерей; повидимому, описка.

Сестры пришли и стали разсказывать Дунькѣ-Доркѣ, ково (кого) видѣли и въ какомъ нарядѣ. А Дунька-Дурка говоритъ: „не я ли это, сестры, была?“ — Сестры ей и говорятъ: „видать тебѣ! такой быть красивой!“ — Вечеромъ прилетѣлъ къ ей (къ ней) Ясной-Соколъ и подарилъ ей другое платье, лучше прежняго.

3. На другой день опять сестры снарежаются къ обѣднѣ. Дунька-Дурка опять проситси [?] (съ) сестрами къ обѣднѣ. Сестры опять ей говорятъ: „куда тебя такую черную! Сиди, знай, на печѣ, перегребай сажу!“ — Дунька-Дурка проситъ у сестеръ: „дайте мнѣ хоть гребешка, голову росчесать!“ — Сестры бросили ей гребень прямо въ голову.

Когда сестры ушли къ обѣднѣ, Дунька-Дурка надѣла еще красивѣе прежнева платье и пошла къ обѣднѣ. Опять всѣ смотрятъ на иё (ее), спрашиваютъ: „откуда ты такая, красавица? изъ какова города?“ — Дунька-Дурка говоритъ: „я изъ тово городу, гдѣ бьютъ гребнемъ голову“.

Сестры пришли отъ обѣдни и разсказали Дунькѣ-Доркѣ, ково видѣли и въ какомъ нарядѣ. А Дунька-Дурка говоритъ: „не я ли это, сестры, была?“ — Сестры ей говорятъ: „видать тебѣ! такой быть красивой!“ — Вечеромъ прилетѣлъ къ ей Ясной-Соколъ и подарилъ ей платье, лучше и краше прежнихъ.

4. На третій день опять сестры снарежаются къ обѣднѣ, и опять Дунька-Дурка проситса (просится съ) сестрами къ обѣднѣ. Сестры ей говорятъ: „куда тебя такую черную! Сиди ужъ на печѣ, перегребай сажу!“ — Дунька-Дурка говоритъ: „дайте мнѣ хоть было [? мыло] умыться!“ — Сестры ей просили [? бросили] мыло прямо въ голову.

Когда сестры ушли къ обѣднѣ, Дунька-Дурка еще лучше прежнева нарядилась и пошла къ обѣднѣ. На иё всѣ смотрятъ, спрашиваютъ: „откуда ты такая, красавица? изъ какова города?“ — Дунька-Дурка говоритъ: „я изъ тово городу, гдѣ бьютъ мыломъ голову“.

5. Сестры узнали, что къ Дунькѣ-Доркѣ прилетаетъ Ясной-Соколъ, поставили *ноженки* (ножи) на окошечкѣ, тогда Ясной-Соколъ прилетѣлъ и сѣлъ на окошечко, то подкололся (накололся).

Онъ думалъ, что его Дунька-Дурка подколола, и не сталъ съ тово время летать къ ей.

6. Когда пришла Дунька-Дурка отъ обѣдни и увидала на окошечкѣ кровь, то узнала, что её Яснова-Сокола подкололи. Она пошла искать Яснова-Сокола.

Шла, шла и дошла до избушки на курьихъ ножкахъ. Дунька-Дурка сказала: „избушка, избушка, встань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ“.—Избушка стала къ лѣсу задомъ, а къ Дунькѣ-Даркѣ передомъ. Дунька-Дурка зашла въ избушку, а на *грядкѣ* сидитъ баба-яга: одна нога у её (у нея) на полкѣ, а друга на гряткѣ.

Баба-яга говоритъ: „фу-фу, руськова духу слышно! какато красна дѣвка пришла. Я иё съѣмъ“.—Дунька-Дурка говоритъ: „нѣтъ, не ѣшь! Сперва напой, накорми, спать уложи, да спроси: чья? откуда?“—Баба-яга напоила, накормила Дуньку-Дурку и спать положила.

Дунька-Дурка выспалась, стала расказывать, куда пошла. Баба-яга говоритъ: „Ясной-Соколъ ужъ высваталъ у бабы-яги внучку. Она шибко злая, и тебя съѣстъ“. — Дунька-Дурка говоритъ: „я не боюсь иё“.—И опять пошла дальше.

7. Шла, шла, опять дошла до избушки. Опять стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ и повертывается. Дунька-Дурка сказала: „избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ“. — Избушка стала къ лѣсу задомъ, а къ Дунькѣ-Даркѣ передомъ. Дунька-Дурка зашла въ избушку и видитъ: сидитъ баба-яга: одна нога у ее на полкѣ, а друга на грядкѣ.

Баба-яга говоритъ: „фу-фу, руськова духу слышно! Кака-то красна дѣвка пришла. Я иё съѣмъ“.—Дунька-Дурка говоритъ: „нѣтъ, не ѣшь, а сперва напой, накорми, спать уложи, да спроси: чья, откуда“.—Баба-яга напоила, накормила Дуньку-Дурку и спать положила.

Дунька-Дурка выспалась, стала расказывать, куда пошла. Баба-яга говоритъ: „Ясной-Соколъ женился на внучкѣ бабы-яги. Она тебя съѣстъ“.—„Я не боюсь иё“.

Баба-яга говоритъ: „я тебѣ дамъ золотую прешенку (прялочку), серебряно веретешичко (веретено), золотыя ведерышка (ведерка) да золотой жбанчикъ. Поди къ Ясному-Соколу и пряди на золотой прешенкѣ!“

8. Дунька-Дурка пошла къ Ясному-Соколу, зашла въ избу и стала прясь (прясть). Баба-яга услышала и говоритъ: „фу, фу, руськова духу нанесло!“ и увидала, что

на золотой пре́шенкѣ прядетъ Дунька-Дурка. Баба-яга говоритъ: „продай мнѣ золотую прешенку!“—Дунька-Дурка говоритъ: „прешенка у мня (меня) не продажна, а завѣтна, чтобы съ Яснымъ-Соколомъ ночь начевать“.—Баба-яга говоритъ: „поди хоть двѣ спи“.

Дунька-Дурка пошла къ Ясному-Соколу, будила, будила его, не могла разбудить. Баба-яга на его возложила сонъ.

9. Дунька-Дурка пошла опять къ бабѣ-ягѣ. Пришла и говоритъ: „я не могла разбудить Яснова-Сокола. Она на его сонъ возложила“.—Баба-яга говоритъ: „возьми золотыя ведерышка, сять (сядь) и побрякивай; баба-яга услышитъ и прибѣжитъ, станетъ у тебя ведерышка покупать, ты не продавай, а говори: завѣтныя“.

Дунька-Дурка опять пошла къ бабѣ-ягѣ и опять стала побрякивать ведерышками. Баба-яга прибѣжала и говоритъ: „продай мнѣ ведерышка-те!“ — Дунька-Дурка говоритъ: „у меня ведерышка не продажны, а завѣтны: съ Яснымъ-Соколомъ ночь начевать“. — Баба-яга говоритъ: „хоть поди двѣ спи“.

Дунька-Дурка пошла къ Ясному-Соколу; будила, будила его, не могла разбудить его, пошла опять назать (назадъ).

10. Говоритъ Дунька-Дурка бабѣ-ягѣ: „я его будила, будила, не могла разбудить“.—Баба-яга говоритъ: „на тебѣ золотой жбанчикъ. Поди, да переливай воду изъ рога въ рогъ“.

Дунька-Дурка пошла, да и стала изъ рога въ рогъ переливать. Баба-яга прибѣжала и говоритъ: „продай мнѣ этотъ жбанчикъ“.—Дунька-Дурка говоритъ: „непродажный этотъ жбанчикъ, а завѣтный: съ Яснымъ-Соколомъ ночь начевать!“—Баба-яга говоритъ: „пошёлъ, хоть двѣ спи!“

Дунька-Дурка пошла; будила, будила Яснова-Сокола, едва разбудила.

11. Дунька-Дурка говоритъ: „поѣдешь со мной?“—Ясной Соколъ говоритъ: „она насъ поймáтъ (поймаетъ), дакъ еть (такъ вѣдь) съѣстъ!“—Дунька-Дурка говоритъ: „у мня есь (есть) *шеть* да кремень“.

Онѣ (они) поѣхали. Ужъ далеко уѣхали, какъ услыхали, что ѣдетъ баба-яга. Онѣ бросили *шеть*, — и сталъ густой лѣсъ. Баба-яга не могла проѣхать, поѣхала взать (взадъ), домой по топоры (за топорами). Вырубили лѣсъ и опять поѣхала за *имя́* (за ними).

Онѣ опять услыхали; опять бросили кремень. Стала огненная рѣка. Баба-яга увидала и говоритъ: „бросьте хоть мнѣ суда (сюда) платочикъ!“—Онѣ ей и говорятъ: „ты насъ съѣшь?“—Баба-яга говоритъ: „нѣтъ, не съѣмъ“.—Онѣ бросили ей платокъ. Баба-яга стала на платокъ и утонула.

Онѣ стали жить да поживать да добра наживать.